

МОСКВА

ДВОРЯНСКИХ ГНЁЗД

КРАСОТА И СЛАВА
ВЕЛИКОГО ГОРОДА,
ПЕРЕЖИВШЕГО ЛИХОЛЕТЬЯ

Олег Васильевич Волков
Москва дворянских гнезд.
Красота и слава великого
города, пережившего лихолетья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5011703

*Олег Волков. Москва дворянских гнезд. Красота и слава великого города, пережившего лихолетья: Алгоритм; Москва; 2012
ISBN 978-5-4438-0158-2*

Аннотация

Рассказы Олега Волкова о Москве – монолог человека, влюбленного в свой город, в его историю, в людей, которые создавали славу столице. Замоскворечье, Мясницкая, Пречистинка, Басманные улицы, ансамбли архитектора О.И. Бове, Красная Пресня... – в книге известного писателя XX века, в чьей биографии соединилась полярность эпох от России при Николае II, лихолетий революций и войн до социалистической стабильности и «перестройки», архитектура и история переплетены с судьбами царей и купцов, знаменитых дворянских фамилий и простых смертных... Иллюстрированное замечательными работами художников и редкими фотографиями, это издание станет подарком для всех, кому дорога история Москвы и Отечества.

Содержание

Сквозь век пронес он дух великоросса	5
От автора	11
Мясницкая – улица Кирова[2]	17
Архитектор Афанасий Григорьев	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Олег Волков
Москва дворянских
гнезд. Красота и слава
великого города,
пережившего лихолетья

Сквозь век пронес
он дух великоросса

Вы держите в руках редкостную книгу о той Москве, когда церковей в ней было сорок сороков, ее улицы видели Пушкина, а в Нескучном саду привычным явлением воспринимались кулачные бои, петушинные баталии и голубиная охота... Но более всего замечательна эта книга тем, что написана удивительным человеком, ровесником минувшего столетия, чья жизнь и личность были образцом духовной крепости и чистоты, гражданского мужества и национального достоинства.

Дворянин по происхождению, продолжатель знаменитого старинного русского рода, потомок легендарного мореплавателя адмирала М.П. Лазарева и князей Голицыных, выпускник знаменитого в Петербурге Тенишевского училища, где сидел за соседней партой с Владимиром Набоковым, Олег Васильевич Волков стал свидетелем «великих потрясений России». Крушение иллюзий об Оксфордском колледже, где уже грезил о традиционной мантии... Остановившие наотрез даже от временного отъезда из России слова отца: «Крысы, покидающие обреченный корабль, – образ для русского интеллигента неприемлемый...» Потом – внезапный арест, обвинение в контрреволюционной агитации – двадцать семь лет тюрем, ссылок и лагерей, из них – два срока на Соловках.

...Смотришь на одну из последних фотографий Олега Васильевича (он умер в январе 1996-го, не дожив нескольких дней до своего 96-летия), его апостольское лицо «последнего из могикан» старого русского интеллигента и еще раз убеж-

даешься, как все-таки права прожитая жизнь, оставляя отраженья след на наших лицах. Никакие круги ада, нечеловеческие условия бытия, муки и страдания не смогли истребить дух этого праведника и правдоискателя, противника террора и насилия, подвижника родной природы и культуры. Таким изобразил его и Илья Глазунов на портрете, который висел над рабочим столом в доме писателя.

Строго говоря, Олег Волков не считал литературу своей профессией. На заре туманной юности, много читавший и слегка сочинявший, примирился с обязанностями переводчика – сначала у корреспондента Ассошиэйтед Пресс, а ближе к концу 20-х, в греческом посольстве, читая посланнику по-французски московские газеты и составляя пресс-бюллетень. И лишь в кругу друзей мог щегольнуть завидной образованностью и неутраченной светскостью.

Писателем стал, вернувшись из заключения, скорее из-за невыносимости таить про себя трагическую правду о пережитом, отказавшись раз и навсегда от любых вариантов полунамеков и недоговоренностей. Но всему свое время. Была середина 1950-х...

Первые годы свободы писал рассказы и очерки в охотничьи журналы. За них-то в 1957-м по рекомендации Сергея Михалкова, чьи сказки и басни переводил на французский, был принят в Союз писателей. Но завоевал тогда «место под солнцем» вовсе не этим, а словом и делом в защиту природы, выступая против психологии временщиков «после нас хоть

потоп», за сохранение и восстановление памятников национальной истории и культуры.

Теперь это мало кто помнит, а ведь именно Олег Волков одним из первых боролся за экологическую чистоту Байкала и сибирских лесов – чего стоили тогда только пятнадцать его вылетов в Иркутск, чтобы наконец-то сдвинуть с мертвой точки груды множащихся постановлений и резолюций.

«Все мое прошлое, – объяснял Олег Васильевич, – приговорило меня в ряды защитников природы: юность, связанная с деревней, охота – и прежде всего годы, научившие видеть в окружающем утешение и прибежище, нечто, не причастное человеческой скверне».

Хрущевская «оттепель» навевала зыбкие иллюзии. Окрыленный публикацией «Одного дня Ивана Денисовича», Волков положил на стол Твардовскому и свою повесть «Под конем».

– Ну вот, – сказал, прочтя рукопись, Александр Трифонович, – закончу публикацию Солженицына, напечатаю и вас. Только не сразу, а то обвинят в направлении.

Но «оттепель» закончилась раньше, чем ожидал редактор «Нового мира». Однако, оставаясь оптимистом, возвращая рукопись, обнадежил:

– Видите, я надписал на папке «до востребования»: мы к вашей повести еще вернемся...

Главная книга его жизни – автобиографическая повесть «Погружение во тьму» – вышла лишь в 1989-м в издатель-

стве «Молодая гвардия». Она и сейчас, через десятилетие «перестройки» и «демократии», потрясает духом человеческого достоинства, выстоявшим в нечеловеческих испытаниях, и неистребимой верой в грядущее величие России. И это вопреки убеждению писателя в конце прошлого столетия, что «все оболгано, искажено: религия, вера, терпимость, демократия, традиции, духовные идеалы...»

– Что же помогло вам тогда выжить, выстоять, какая сила? – помнится, спрашивали Волкова на интереснейшей встрече в Концертной студии «Останкино» в начале 1990-х.

– Православие и мое воспитание, – отвечал писатель. – Я упрямо держался за веру отцов.

Стройный, с благородной статью, в свои девяносто он мог дать фору любому молодому.

Последние годы жизни он работал над «Северной Пальмирой» – книгой, в которой возвращался памятью к красе и диву Петербурга, где родился на самом рубеже XIX столетия. Чуть раньше закончил настоящее издание – о старой, дорогой его сердцу, Москве, о разрушенных и забытых творениях ее выдающихся зодчих. Итогом земного пути писателя стала книга «Век надежд и крушений». О крушениях, кажется, нам известно уже достаточно. Что же надежды – с чем связывал их писатель?

«В стране уже тлеют очаги пожаров великой смуты, аналогичной той, что едва не погубила Русь в начале XVII века. Мы допустили столько промахов и преступлений, столь-

ко нагресли, что дотла разорили крестьянство, истребили столько выдающихся людей во всех слоях общества, что нельзя надеяться, чтобы Провидение сжалилось и послало нам новых Святого Сергия, Минина и Пожарского... И все же...»

В представлении Олега Волкова русский народ оставался богатырем Ильей Муромцем, который должен осознать свое исполинское начало и потому искать источник возрождения в себе самом. А сила его и надежда – в единении – соборности, в возврате к христианским добродетелям. К этой мудрости прожившего долгую и трагичную жизнь человека нельзя не прислушаться, если все-таки поверить в будущее и пожелать Отечеству лучшей доли.

Татьяна Маришкова

От автора

Как-то, звездным сентябрьским вечером, я стоял на одном из верхних балконов нового университета, повисшем высоко над невидной в темноте землей.

Россыпью драгоценных камней сверкали в ночи бесчисленные огни Москвы. Они – в какую сторону ни глянь – уходили за горизонт, похожие на скопления мигающих в потемках звезд. И там, вдали, становились неотличимы от усеявших небосклон звезд. Были это и уличные фонари, и слившиеся в сплошные полосы света окна москвичей, и яркие прожекторы, выхватывающие из ночи тут фронтон с колоннадой, там бронзу памятника на высоком постаменте, и больше всего – строительных кранов, замерших до утра. Они всюду, надо всем каменным разливом. Москва строится, растет: распространившись на десятки километров вширь, она теперь поднимается вверх. В поле зрения тысячи сигнальных огней, предупреждающих пилотов: высотные здания, мачты, вонзившиеся в небо шатры старой Москвы, заводские трубы...

Вглядевшись в таинственное свечение города, начинаешь различать в кажущемся хаосе бесчисленных огней отдельные стройные элементы: тут вытянувшиеся по нитке одинаковые точки, отстоящие на равных промежутках друг от друга, там световое полукольцо, в стороне – скрещение плав-

ных дуг, а за ним – целая купель слившихся сияний. То московские улицы, площади, бульвары, скверы, переулки, виадуки, затихающие в этот час, с поредевшей толпой прохожих и мчащимися по освободившимся магистралям полупустыми троллейбусами.

Когда укладывается дневная сутолока и на тротуарах столицы становится просторно, у несущих свою бессменную службу красных и зеленых огней не скапливаются машины, город как-то по-иному, глубже открывается своим жителям. Они вглядываются в его очертания и начинают задумываться о значении бесконечного разнообразия улиц, бульваров и переулков многовековой столицы Руси, России... У каждого района, каждого уголка – свое лицо, свой характер, свои, в ином случае столетиями складывающиеся, черты. Своя история. Порой восходящая к легендам о строптивом боярине Кучке, не то обнимающая вовсе куций отрезок времени – это когда попадаешь в достраиваемые новые кварталы, видишь магистрали, продолженные в последние годы. Москва ширится, растет, в облике ее, наряду с чертами старости, милыми, как родные лица дедов и бабок, следы, оставленные близкими поколениями, поднявшиеся всюду ростки современности... В них отражены жизнь и судьбы создавших столицу прадедов, отцов и современников.

Для меня нет более увлекательного и волнующего занятия, как на прогулке по знакомому городу восстанавливать кусочки его истории – истории своего народа, – читаемой на

фасадах домов, по названиям улиц и урочищ, их очертаниям. Порой скромный, ничем внешне не примечательный дом оказывается свидетелем громких событий либо служил кровом людям, чьи имена мы окружили любовью и уважением.

Я помню, как надолго застыл на месте, впервые оказавшись перед выходящим торцом на Пятницкую улицу ветхим, покосившимся, вросшим в землю флигельком, отягощенным укрепленной в простенке памятной доской с барельефом: мужицкая борода, высокий покатый лоб, кустистые брови. Здесь проживал молодой Толстой. Он переступал этот порог. Он поглядывал на улицу из этого занавешенного сейчас окна!.. Невзрачное, обыденное строение сразу обрело значительность, его словно опажнуло жаркое дыхание вершин русской славы. Я с благоговением взирал на свидетеля жизни Толстого, на стены, которые были ему «домом», где он писал, встречался с Фетом и Аполлоном Григорьевым, думал, смеялся, страдал...

Есть на площади Ногина¹, бывшей Варваринской, небольшая церковь с шатровой колоколенкой, не очень приметная – таких еще не так мало в Москве, и стоит она, отчасти заслоненная внушительной громадой купеческой постройки «Делового двора». Но кто невольно перед ней не остановится, не станет вглядываться в ее древние стены со следами очень старой – XVII века – переделки, если узнает, что перед ним та самая церковь Всех Святых на Кулишках, которую Дмит-

¹ В тексте сохранены названия улиц и площадей советского времени.

рий Донской поставил в память павших на поле Куликовом на том месте, где отстоял со своим войском молебен перед выступлением в поход и где тогда была ветхая деревянная часовня?

Тут, думается, на минуту отодвинутся тяжелое здание купеческого «Делового двора» и современные постройки, забудется заполненный вереницами машин асфальт, паутины проводов над головой и представится воображению деревянная часовня на сыром лугу, покрытом чернеющей толпой, спешившимися всадниками в кольчугах, с реющими над войском стягами и хоругвями, послышатся ржание коней, звон невзначай задетого оружия, жиденькие песнопения... Ясно увидишь измученные бородатые лица ратников, оторванных от скудных наделов и неизбывных тягот, обиженных и утесненных, но готовых мужественно биться за свою Русь... А потом великий князь московский хоронил здесь привезенные с берегов Непрядвы тела своих самых верных сподвижников, павших в лютой сече.

Но шумит и рокошет вокруг современная жизнь, видение шестисотлетней давности исчезает, лишь силуэт одноглавой церкви говорит о том, что все это было – был великий подвиг русских воинов. И пожалуй, западет в память смешное название: Кулишки. Что означало оно в старину – потный травянистый лужок, где раздолье куликам, или небольшую заводь – «кулигу»? Если склонен докапываться до сути, пожалуй, обратишься к Далю, там множество толкований близ-

ких и схожих слов. Но было ли здесь отвоеванное у леса поле или болотце, название Кулишки говорит о древних временах, непомерно суровых и тяжелых, когда наши далекие предки строили Москву.

У кого не воскресит в памяти целую страницу отечественной истории название Красная Пресня? Кто, прочитав его на табличке с названием улицы, не представит себе тотчас героические баррикады, ожесточенные атаки семеновцев, первый открытый бой, данный царскому строю московским пролетариатом? Уже нет в живых никого, кто бы мог отчетливо помнить события тех дней, отдаленных от нас тремя четвертями века, но сохранились дома, видевшие отстреливавшихся от царских гвардейцев рабочих Прохоровской мануфактуры, разбитую в упор из пушек фабрику Шмита, подожженные снарядами дома и переулки. На фотографии того времени – обугленные стены с обрушенной кровлей и зияющие проемы тех же одноэтажных Пресненских бань, мимо которых еще недавно тяжело сворачивал троллейбус и спешили к павильону метро прохожие. Может быть, и в те кровавые дни, когда еще не подожгли все кругом снаряды, защитники баррикад забегали сюда со свертком белья под мышкой, чтобы наспех помыться перед боем? И легли в безвестных братских могилах, никогда не вернулись к семьям, в свои хибарки...

И так – на каждом шагу: воспоминания, далекие и близкие события отечественной истории, оживающие силуэты людей

с незабытыми именами, немые свидетели талантов и трудов наших предшественников на священной московской земле. Зацепившееся за крохотный след воображение водит нас по страницам прошлого, и оно яснее предстает перед нами, мы лучше видим его величие и бессилие, красоту и убожество, вещественнее осязаем свою неразрывную связь с ушедшими поколениями и думаем об оставлении после себя нестудной памяти...

Мясницкая – улица Кирова²

Восприятие улицы – дело очень субъективное. Оно зависит от вкусов человека, его склонностей, от сведений, какими он располагает о ней, наконец, от того, что из этих сведений ему больше по душе. Бывает, не лежит душа к тому, что широко известно, привлекает общее внимание, а тянется человек к малоприметному, интересному или дорогому ему по какому-нибудь воспоминанию, сопоставлениям, по вычитанному и запомнившемуся из полюбившейся книги...

Не любя мне улица Мясницкая, какой оставили ее господа капиталисты, безраздельно ею завладевшие со второй половины XIX века. Улицу сдавили выстроившиеся сплошной стеной по обе стороны громадины доходных домов, банков, всевозможных торговых контор и акционерных обществ московских промышленников и коммерсантов. Вычурность фасадов, декадентские декоры, эклектика стилей говорят о спаде вкуса и нагловатых притязаниях нескудной мощны превзойти соседа. Оседание деловой жизни Москвы на Мясницкой улице привело к тому, что она первой в городе была вымощена брусчаткой, по ней пошли первая конка и первый трамвай и ее осветили электрические фонари, когда прочие улицы довольствовались газом и керосином. Но этот прио-

² Местность между Садовым кольцом и левым берегом Москвы-реки в конце XIX века слилась с Пресней.

ритет богатства не трогает нас сейчас. От солидности и тяжести фасадов, с гигантскими окнами и массивными входами, веет холодом забвения человеческой потребности в уюте, в смене созерцания жестких линий архитектуры смягченными – деревьями и кустами, клочком неба над головой. Тут – наступательная деловитость хозяев, желающих произвести впечатление на клиентов и перегруженными лепниной вестибюлями, и размерами приемных комнат и залов заседаний акционеров.

Однако история Мясницкой не упирается в эти последние дореволюционные десятилетия, а насчитывает полтысячи лет, память о которых запечатлелась в некоторых ее названиях и отдельных сохранившихся зданиях. Мясницкая впервые упоминается в связи с постройкой в 1472 году Иваном III церкви Успения «на бору», впоследствии называвшейся Гребневской, по хранившейся в ней иконе Гребневской Божией Матери. Церковь стояла как раз в том самом месте, где ныне улица образует угол с проездом Серова. Церковь считалась придворной, и царь о ней заботился – в стену была вмурована каменная плита с подробной надписью, перечислявшей вклады Ивана III и его семьи.

Мне запомнился древний, неперестроенный силуэт этой церкви, со скромной главкой и почти без украшений. Было что-то трогательное в ее обликии сельской кладбищенской церковки, вдруг оказавшейся на людной центральной площади. Так защемит иной раз сердце при виде дряхлого про-

хожего в многолюдстве бодрой и шумной толпы. И все-таки эта вросшая по окна в землю ветхая церковь радовала глаз, неравнодушный к поэтической прелести подлинной древности, и выглядела драгоценной жемчужиной по сравнению с большинством храмовых сооружений второй половины XIX века и начала XX – капитальных, просторных, с византийскими куполами, но таких бездушных!

Церковь Успения «на бору», или Гребневской Божией Матери, на Лубянской площади

И еще известно от тех далеких времен, что тот же Иван III поселил вокруг этой церкви после похода на Новгород в 1482 году вывезенных оттуда бояр с семьями. Мясницкая

начиналась тогда от Ильинских ворот и шла оттуда по впоследствии Лучникову и Большому Комсомольскому переулкам. С площадью, тогда Лубянской, а позже Дзержинского, ее связывал узкий переулок.

Свое название улица получила от начавших селиться по ней мясников, образовавших самостоятельную слободу в XVI веке. О них хранила память выстроенная в XVII веке внушительная церковь Николы в Мясниках. Она стояла, несколько отступя от улицы, как раз там, где вознеслись позже этажи ЦСУ СССР (бывший дом Центросоюза). Но о нем речь впереди.

И все же не конец XIX века, как я уже говорил, и не XV век влекли меня к улице Кирова (Мясницкой). Не их отпечатка искал я, оглядывая фасады и заходя во дворы с флигелями, остатками служб и конюшен, переделанных и надстроенных, поглощенных и придавленных новыми зданиями за длинную череду лет, что перекроили и раздробили прежние просторные городские усадьбы. На этой улице я более всего представляю себе петровские времена, допетербургский период царствования первого российского императора. Именно тогда Мясницкая приобрела первостепенное значение, сделалась самой модной улицей Москвы. По ней наперегонки селились, выкраивая себе поудобнее усадьбы, выживая мясников и прочий мелкий люд, приближенные Петра, знатнейшие персоны государства. Улица была до них мало застроена: примерно от нынешних Кировских во-

рот до Садового кольца тянулись дворцовые и патриаршие огороды, сады слобожан. Но тут пролегла дорога, по которой Петр часто ездил в полюбившееся ему Лефортово. По Мясницкой дефилировали полки, здесь устраивались гуляния, маскарадные шествия и «огненные потехи», до которых был охоч государь. И хотелось царедворцам быть поближе к своему солнцу, почаще попадать на глаза Петру, да и угодить ему сооружением каменных палат по образцу виденных в Голландии.

Сделалось традицией: возвращаясь из походов, войска проходили по Мясницкой улице. Так было после побед над шведами в 1709 и 1721 годах. Москва торжественно встречала победителей: на месте Лермонтовской площади сооружалась триумфальная арка. То было скромное сооружение и отдаленно не напоминавшее роскошные монументальные – «трухмальные», как их называли московские извозчики, ворота, какие воздвигались на площадях и улицах города при преемниках Петра.

При нем арки были незатейливые, пожалуй, нечто вроде того, что иной раз наспех ставят руководители ссыпного пункта, готовясь к встрече обозов с зерном. Вкапывались два столба, соединенные наверху перекладиной, к ней прикреплялся аляповатый царский вензель с транспарантом из бычьего пузыря, вешались плошки, все украшалось лапником и – готово! Под дробь барабанов и свист дудок шагают семеновцы и преображенцы со своим венценосным бомбар-

диром.

Простота тогдашних нравов выглядит ныне неправдоподобной. Возле ворот устраивались качели, всякие потехи, и на Святках и в Масленицу царь развлекался тут со своими друзьями при всем честном народе. Известные кощунственные процессии шутейного собора проходили по Мясницкой. Сохранились рисунки этих шествий, предводительствуемых Никитой Зотовым, прежним дядькой царя, возведенным в сан папы всепьяного собора: развеселые ряженые в церковных облачениях, с кадилами и хоругвями, верхом на свиньях и бочонках, дудочники и скоморохи. Когда вспомнишь, что происходило это в Первопрестольной спустя всего полтора-два десятка лет после «тишайшего» царя Алексея Михайловича, проведшего полжизни в богомольях по монастырям, то открываются крутые перепутья истории!

Бывшие палаты бояр Волковых в Большом Харитоньев-

ском переулке

Нелегко, разумеется, находясь на Лермонтовской площади, представить себе, как выглядело это место на рубеже XVII и XVIII веков. И все-таки попытаемся забыть про асфальт, не видеть высотных зданий, раковины метро с ограждениями вдоль тротуара и вообразим себе обширное, мало застроенное пространство, полупустырь, что стал со временем Красной площадью, названной так по проходившей через нее дороге на Красное село, в царский Красносельский дворец. Тут тянулся земляной вал, местность была слабо заселена, к ней примыкала дворцовая Огородная слобода, а с внешней стороны – Басманная, также с большими огородами и дворами. Среди разбросанных тут и там деревянных домиков выделялась каменная церковь Трех Святителей, построенная в XVII веке, да, отступя несколько вглубь, в нижнем конце Хоромного тупика гордо высились щипцы и резные коньки старинных палат бояр Волковых.

Церкви не стало – ее снесли в 1928 году. На ее месте в 1935 году построили павильон станции метро по проекту архитектора И.А. Фомина. А палаты XVII века целы до сих пор. Из рода Волковых они перешли другим владельцам, перед революцией принадлежали князю Юсупову, а позже в них разместилась ВАСХНИЛ. Дом превосходно отреставрирован снаружи и отделан внутри. Стоит упомянуть, что в двадцатых годах, при реставрации, тут был обнаружен тай-

ник – замурованная комната, где помимо драгоценных предметов и картин величайших мастеров нашли связку подлинных писем Пушкина, прежде не опубликованных. Позднейшая застройка отгородила дом ВАСХНИЛ от Хоромного тупика, и мы его видим теперь с заднего фасада, выходящего на Большой Харитоньевский переулок.

Назвав Хоромный тупик, следует сказать о доме Авдотьи Петровны Елагиной, племянницы В. А. Жуковского и матери братьев Ивана и Петра Киреевских, – Елагиной она была по второму мужу. Дом ее, сохранившийся до сих пор, растерял прежний декор, крыльцо, лепной карниз, два ряда голых окон и голая стена придают ему тот анонимный вид, какой сообщают жилым постройкам переделки и разные хозяева: не скажешь, кому он принадлежал; для кого строился. Если бы не благородные пропорции оконных проемов и несколько еле уловимых других признаков, ни за что бы не признал в этом гладкостенном сером доме прежний богатый дворянский особняк.

Но именно перед ним более ста лет назад стояла по воскресеньям вереница карет, швейцар с булавой встречал гостей, из окон лился на улицу свет канделябров и кенкетов... У хозяйки, женщины обаятельной и образованной, собиравшей на протяжении нескольких десятилетий литературный салон, где в разное время бывали Пушкин и Гоголь, Герцен и Огарев, Чаадаев, Хомяков, Константин Аксаков, еще и еще гости, имена которых не забыты. Тут происходили жаркие

сшибки и споры. Вот стоит, прислонившись к доске каминна, Чаадаев, ироничный и холодный, с лицом патера, и доказывает – чтобы подразнить гостей или унять свое недовольство порядками в России – превосходство католичества над православием, пустоту и бессмыслие русской истории, требуя безусловного и полного приобщения к европейской цивилизации. В гостиной – на диво заросший волосами Хомяков, которого даже Иван Киреевский считает чересчур церковником и обвиняет в желании всех обрядить в зипуны и лапти... Гости насторожились, прислушиваются – быть жаркой пре!

Молодые Герцен и Огарев неразлучно кочевали из одного салона в другой. Вот несколько строк из «Былого и дум» о том времени: «Москва сороковых годов... принимала деятельное участие за мурмолки и против них; барыни и барышни читали статьи очень скучные, слушали прения очень длинные, спорили сами за К. Аксакова или за Грановского, жалея только, что Аксаков слишком славянин, а Грановский недостаточно патриот. Споры возобновлялись на всех литературных и нелитературных вечерах, на которых мы встречались – а это было раза два или три в неделю. В понедельник собирались у Чаадаева, в пятницу у Свербеева, в воскресенье у А.П. Елагиной».

Прежде чем покинуть Лермонтовскую площадь, я оглядываюсь на серую башню с часами над Министерством путей сообщения: конструктивистский стиль будто бы и не со-

всем выдержан, нет в нем четкости и логической простоты, свойственных его лучшим образцам. На мой вкус здание даже довольно уродливо, напоминает более элеватор, нежели городскую постройку. Но не будем торопиться хулить архитекторов – они всего лишь перестраивали старый дом, имеющий длительную и интересную историю, да и мало приспособленный для переряживания в новый стиль.

Тут некогда находились провиантские склады, где хранили хлеб и фураж для полков. Старый двор сгорел в середине XVIII века, и Елизавета велела его восстановить. Тогда-то и был возведен простоявший два с лишним века четырехугольник из двухэтажных каменных корпусов, замыкавший обширный внутренний двор. Его стали называть Запасным дворцом и отвели под царские склады и кладовые. Во второй половине XIX века здание отдали Дворянскому женскому институту, надстроившему в девятисотых годах третий этаж. Последние перестройки, с возведением дополнительных этажей, башни и присоединением соседнего дома, были произведены в тридцатых годах. И поныне, несмотря на все переделки, можно увидеть, со стороны внутренних дворов министерства, оконные проемы с типично елизаветинским декором и барочные украшения, а громаду новых этажей по-прежнему несут воздвигнутые в XVIII веке своды.

Направляясь с Лермонтовской площади вверх по Кировской, видишь перед собой улицу, вобравшую все типические черты развития Москвы периода бурного роста промышлен-

ности и торговли последней трети прошлого и начала нынешнего столетия.

«С наступлением нового века, – читаем мы в записках того времени, – ...мановением волшебного жезла все преобразилось. Москву охватило деловое неистовство первых мировых столиц. Бурно стали строить высокие доходные дома на предпринимательских началах быстрой прибыли. На всех улицах поднялись к небу незаметно выросшие каменные громады».

Над всей прежней застройкой улицы Кирова возвышается огромный дом Центросоюза, построенный по проекту французского архитектора Ле Корбюзье в 1928 – 1936 годах. Это здание отмечено печатью смелого и оригинального таланта, угадавшего в первые десятилетия века грядущее изменение архитектурных форм, обусловленное появлением новых строительных материалов. Именно Ле Корбюзье – родоначальник архитектурного стиля, названного конструктивизмом. Его плоские фасады и четкие геометрические объемы прочно внедрились в практику строительства во всем мире. В конце двадцатых годов конструктивизм начал было распространяться у нас – в ряде городов имеются превосходные образцы этого стиля, – но вскоре был вынужден уступить иным веяниям: архитекторы на долгие годы от него отвернулись и возводили дома, отражавшие стремление создать нечто грандиозное и помпезное, укрупняя классические ордера, возмещая обилием украшений недостатки ком-

позиции, словно перестав понимать свой век и утратив добрый вкус.

Заметьте: вы идете мимо дома Центросоюза, не думая, что он стоит на очень узкой улице, забыв об огромных размерах здания. Его масса не давит, дом легок и пропорционален, простота его линий, чуждая монотонности, и благородство фактуры радуют глаз. Какая графическая четкость очертаний, строгих без сухости, как все уравновешено и целесообразно! Между тем то, что вы видите, не вполне отражает замысел Ле Корбюзье: им был спроектирован дом на столбах, застроенных впоследствии и ставших цокольным этажом. С пролетами внизу он выглядел бы еще легче, а перспектива улицы – шире.

Тогда же, в начале тридцатых годов, на Кировской было построено в конструктивистском стиле еще одно здание – Министерства торговли. Оно находится почти по соседству с домом Центросоюза и от этого, несомненно, проигрывает: здание выглядит инертным и тяжеловатым, давит своей массой, что, впрочем, нельзя ставить в вину автору проекта – архитектору Велиховскому. По его проекту здание должно было иметь вдвое больше этажей – высоту его ограничили уже во время строительства.

Таковы два самых приметных здания нового времени на Кировской, в целом сохранившей застройку дореволюционного периода. Разумеется, уцелело несколько домов более ранних эпох, причем некоторые принадлежат прославлен-

ным русским зодчим, и нынешняя Москва по праву гордится этими первоклассными памятниками архитектуры. Об одном из них я расскажу подробнее.

Наискосок от дома Центросоюза, через улицу, стоит отлично сохранившийся особняк Барышниковых, очень богатых дворян из купцов, заказавших проект Матвеем Казакову. Этот дом построен в 1798 году. За высокой нарядной решеткой, связывающей оба его крыла и отгораживающей парадный двор от улицы, высится портик. Архитектор выдвинул его далеко вперед, поставив колонны на высокий цоколь и отдалив их от стены, что скрадывает невыгодное впечатление от относительной тесноты пространства перед портиком и малой высоты крыльев. Архитектура этого дома – превосходный образец классического стиля, который по справедливости называют иногда в Москве по имени одного из самых ярких и талантливых его представителей – казаковским. В каком только уголке старой Москвы не найдешь постройки этого прославленного зодчего – всегда строгие, но не сухие, изящные без манерности, благородные без напыщенности!

В особняке Барышниковых, впоследствии занятом Центральным научно-исследовательским институтом санитарного просвещения, частично сохранились лепнина, роспись плафонов и интерьер нарядного танцевального зала. Мне нравится и вестибюль с приземистыми колоннами у дверей, некогда ведших во всевозможные закоулки тихого барского дома, где ютилась дворня; вероятно, был тут и ларь с дремав-

шим на нем при свете огарка дряхлым швейцаром... Невольно приходят на память парадные сени в последней картине «Горя от ума» в Художественном театре. О комедии Грибоедова особенно уместно вспомнить именно в этих стенах.

На наследнице Барышниковых был женат полковник Семен Никитич Бегичев, участник Отечественной войны. По выходе в отставку он поселился в Москве, и стены его дома увидели череду выдающихся людей России. Гостей Бегичева привлекало радушие хлебосольного хозяина, угощавшего, по свидетельству современников, изысканными обедами и дорогими винами. Непременным гостем Бегичева был, в свои наезды в Москву, Грибоедов, его друг детства. Случалось, он гащивал подолгу. Так, приехав к Бегичеву в сентябре 1823 года, он уехал от него в июне 1824-го. Постоянными посетителями вечеров и приемов в барышниковском особняке были писатели В. Ф. Одоевский и В. К. Кюхельбекер, лицейский друг Пушкина.

Завсегдатаем дома был и композитор А.Н. Верстовский, принимавший участие в музыкальных вечерах. Здесь он исполнял свой романс «Черная шаль», который распевала тогда вся Москва, причем аккомпанировал ему Грибоедов, сам автор музыкальных пьес, не забытых до сих пор. Известно, что взыскательный Глинка считал автора «Горя от ума» первоклассным музыкантом. Можно представить себе, как внимательно слушали их гости Бегичева! Притих и неугомонный «казак-боец» Денис Давыдов – постоянный посетитель

бегичевского салона, не сыплет остротами, не развлекает общество красочными рассказами о «гусарах прежних лет»... слушает. Славный партизан и сам автор музыкальных стихов, которые так и просятся на ноты!

К вечеру, когда институт закрыт, нет посетителей и всюду погашен свет, во дворе темновато и пустынно. Слева от ступеней крыльца чернеет проем низких ворот, ведущих на задний двор, перед глазами – высокий рустованный цоколь портика с теряющейся вверху капителью стройной угловой колонны. Все выглядит точно так, как было в один из июньских дней 1828 года, когда возле подъезда стояла тройка, поданная для Грибоедова: назначенный Николаем I послом в Персию, поэт уезжал в далекий Тегеран. Его томили недобрые предчувствия, он был мрачен. «Прощай, брат Семен, вряд ли мы более с тобою увидимся, – говорил он, обнимаясь с Бегичевым, – предчувствую, что живой из Персии не вернусь!» Добрые слова друга не успокоили Грибоедова – он словно знал, что никогда более не увидит ни старого друга, ни его гостеприимного дома, ни России... Вероятно, когда кучер тронул лошадей и под колесами отъезжающей коляски зашуршал мелкий гравий въездной дорожки, седок оглянулся, чтобы, пока не выехали из ворот и не свернули в улицу, в последний раз махнуть рукой провожавшим. Перед глазами его прощально мелькнули колонны, низкая подворотня, кованное железо фонарей у подъездов... То же, что мы видим

сейчас, через полтора года лет, покидая бывший барышниковский особняк на Мясницкой!

Дома по соседству с ним – словно крохотный островок старины. Вот через переулок от особняка Барышниковых вытянулся фасад одноэтажного дома с окнами, красиво отделанными лепниной, частично не возобновленной при недавнем ремонте. Внутри, несмотря на перегородки и общую запущенность помещений, еще можно любоваться высокими потолками, богатой отделкой карнизов, прекрасной работы двустворчатыми филенчатыми дверями, какие уже не делают и никогда больше делать не будут, а в нескольких комнатах – бывших парадных – искусно набранным мозаичным паркетом. Этот дом, построенный в начале XIX века, принадлежал некоторое время Надежде Филаретовне фон Мекк, и в нем – правда, в цокольном этаже – жил Чайковский.

Рядом с этим домом совсем врос в асфальт тротуара, обреченно выступив средним ризалитом, с тройкой полуциркульных окон, за красную линию, вовсе ветхий скромный особнячок, некогда принадлежавший сестре Суворова. Под ним – довольно просторные сводчатые помещения из тесаного белого камня старинной кладки. Теперь это – подвалы, но в пятидесятых годах XVIII века, когда строили дошедший до нас особняк, они составляли, очевидно, его нижний этаж.

Дом Лобановых-Ростовских, построен Ф.И. Кампорези, последняя четверть XVIII века

На другой стороне улицы, напротив этого особняка, стоит обширный дом, построенный в начале девяностых годов XVIII века для графа Панина, впоследствии перешедший к князьям Лобановым-Ростовским. Эту постройку приписывают – очевидно, вполне основательно – архитектору Францу Ивановичу Кампорези, много строившему в те годы, преимущественно в Подмоскowie. Дом Лобановых несколько своеобразной архитектуры: средняя, выступающая арка опирается на тесно составленные коринфские колонны с крупными пышными капителями. В классической Москве было принято ставить колонны на высокий цоколь, у Кампорези они поднимаются от самой земли – в этом видят влия-

ние деревенских усадебных традиций. Однако следует помнить, когда смотришь ныне на здание, что перед тобой «поколенный портрет», ибо основание его похоронено под землей культурным слоем.

К особняку Барышниковых примыкает вплотную старинный дом довольно мрачного вида: это палаты князя Куракина. Массивный двухэтажный дом XVIII века не сохранил и признаков декора: глухая гладкая стена с редкими проемами больших окон, позволяющими угадать непомерную толщину кладки, тяжелую вековую прочность здания. И в самом деле: во дворе его сохранились остатки построек более раннего времени.

Улица привела нас к Кировским (Мясницким) воротам. Как не вспомнить о легендарных временах, когда на месте павильона метро тут, по описи 1777 года, числились «постоялый двор и дом» купца с нелестной для его предков фамилией Гнусин! Были тут огороженный двор с воротами, конюязи, распряженные подводы мужиков, привозивших обозом оброк своему владельцу... Именно на месте, где сплошной асфальт и ларьки у ступеней под крупной литерой «М». Поистине легенда!

А вот о соседнем владении, где ныне Московский почтамт, мы знаем много больше, начиная с допетровских времен. Тут в исходе XVII века выкроил себе изрядную усадьбу «счастья баловень безродный» – удивительный Меншиков. Садами и оранжереями усадьба выходила на Мясниц-

кую улицу. От всего великолепия роскошного владения сохранилась церковь – знаменитая Меншикова башня. Остальные строения еще до революции снесены либо встроены в возведенные впоследствии здания.

После опалы Меншикова его усадьба на Мясницкой досталась князю Куракину, потом перешла в другие руки. Наконец в 1783 году ее арендовал Московский почтамт у тогдашнего владельца, богача Ивана Лазарева, а спустя девять лет приобрел у него все, что оставалось от раздробленной усадьбы светлейшего. К его хоромам были пристроены новые корпуса, сад обнесен каменной оградой с воротами и превращен в передний двор, откуда во все концы России разъезжались почтовые кареты. В таком виде Почтамт существовал более ста лет, пока в 1912 году не было построено новое здание архитектором О. Р. Мунцем и инженером Д. И. Новиковым, братьями Весниными, и он не приобрел свой современный вид.

Пожар 1812 года не пощадил ни одного дома на Мясницкой, но Почтамт уцелел благодаря мужеству своих чиновников. Они припасли вина для факельщиков, сновавших по городу при отступлении французов и поджигавших дома по приказу Наполеона, как следует угостили их, а потом связали.

Именно во дворе Почтамта произошел трагический эпизод, описанный в «Войне и мире», – самосуд над купеческим сыном Верещагиным. Быть может, московский генерал-гу-

бернатор Ростопчин и не столь виновен в его гибели, как это представлялось Толстому, но сила гениального художественного воздействия такова, что доброе имя Ростопчина не восстановить никакими архивными документами, хотя бы они доказывали его непричастность к расправе. А о Верещагине теперь известно, что он вовсе не был французским лазутчиком и вражеских воззваний не распространял, а попросту неосторожно выболтал рассказанные ему приятелем – почтовым чиновником – новости депеш, которые военная цензура запрещала обнародовать.

Старый Московский почтамт. Слева – церковь Архангела Гавриила, так называемая Меншикова башня

На здание Почтамта, с его тяжелыми пропорциями и громоздким силуэтом, пожалуй, типичным для «модерна начала XX века», на его серую и безрадостную массу взирает с противоположной стороны улицы, немного наискосок, высоко взнесенная изящная полуротонда с легкой колоннадой дома на углу Боброва переулка. Это одно из примечательней-

ших по своей архитектуре и истории зданий на Кировской улице. Его построил Василий Баженов для своего друга И.И. Юшкова, известного масона, устроившего в своем доме тайную ложу. Ныне дом сильно перестроен, нет прежних оконных проемов, заделаны фронтоны, однако и сейчас он служит украшением улицы: переделки и изменения не лишили его пропорций и некоторых черточек, обличающих руку большого мастера. Внутри нет и в помине баженовских интерьеров, за исключением ротонды с колоннами на втором этаже и двух вестибюлей.

Как и многие старинные дворяне, выводившие свой род от того или иного «мужа честна», отъезжавшего к великому князю московскому из чужой земли, Юшковы считали своим родоначальником некоего, выехавшего из Золотой Орды к великому князю Дмитрию Ивановичу, Зеуша, получившего при крещении имя Стефана. От его старшего сына Юрия будто и пошли Юшковы.

Мне более по душе другая версия, согласно которой предком масона Юшкова был московский гость Юшка со странной кличкой Урви Хвост – не легче ли произвести Юшковых от Юшки, нежели от Юрия? Юшка, вопреки разбойному прозвищу, очевидно, был человеком набожным. Летопись сохранила его имя в связи с сооружением им на свои средства церкви Святой Варвары. Перестроенная Матвеем Казаковым, она ныне превосходно отреставрирована и украшает выход улицы Разина – называвшейся прежде по церкви

Варваркой, – на Красную площадь. Подклет у церкви сохранился старый – 1514 года и строен он знаменитым Алевизом Новым.

Но не Юшковым и его родословной привлекает внимание летопись баженовского дома на Мясницкой, а длительным периодом, когда он стал одним из главных рассадников русского искусства. С 1844 года в доме Юшкова размещалось Училище живописи, ваяния и зодчества, из которого вышли многие виднейшие русские живописцы. Тут учились или преподавали А.К. Саврасов, В.Г. Перов, И.М. Прянишников, Н.В. Неврев, В.В. Пукирев, И.И. Левитан, А.Е. Архипов, К.А. Коровин, В.Е. Маковский. Долгое время в стенах училища жил преподаватель художник Леонид Осипович Пастернак, отец поэта Бориса Пастернака. Как известно, Лев Толстой дружил с художником и у него бывал. Вот запись биографа Толстого Родионова об одном посещении: «23 ноября (1894 года. – *О.В.*) Толстой с дочерьми ездил к художнику Л.О. Пастернаку в дом Училища живописи, ваяния и зодчества, где Пастернак был директором, на концерт, в котором принимали участие жена Пастернака и профессо-ры консерватории скрипач И.В. Гржимали и виолончелист А.А. Брандуков».

Из записок поэта мы дополнительно узнаем, что на концерте присутствовал и художник Н.Н. Ге. В них имеется и красочный рассказ о том, как семья Л.О. Пастернака, его многочисленные друзья и знакомые однажды толпились на

балконе юшковского дома, присутствуя на помпезном зрелище. По Мясницкой шла погребальная процессия – везли в Кремль для отпевания в Успенском соборе прах Александра III, следовавший транзитом из Крыма в Петербург.

«...Под погребальный перезвон показалась голова нескончаемого шествия, войска, духовенство, лошади в черных пополах с султанами, немыслимой пышности катафалки, герольды в невиданных костюмах другого века. Процессия шла и шла, и фасады домов были затянуты целыми полотнами крепа и обиты черным, и потупленно висели черные флаги».

Читая эти строки записок Бориса Пастернака, я невольно вспоминаю, что несколько ранее аналогичную запись о следовании траурного поезда сделал в Орле другой русский поэт – Иван Бунин.

Весной в залах училища открывалась выставка передвижников, которую привозили из Петербурга.

В начале девятисотых годов во дворе училища была построена мастерская для скульптора Паоло Трубецкого, поселившегося в Москве после многолетнего пребывания в Италии. Уместно напомнить, что он был автором скандально известного памятника Александру III, в массивной, истуканно-тяжелой фигуре которого царская власть, благословившая его установку на Знаменской площади в Петербурге, не разглядела злой карикатуры. Ныне эта конная статуя, некогда насупленно и властно глядевшая с высокого постамента

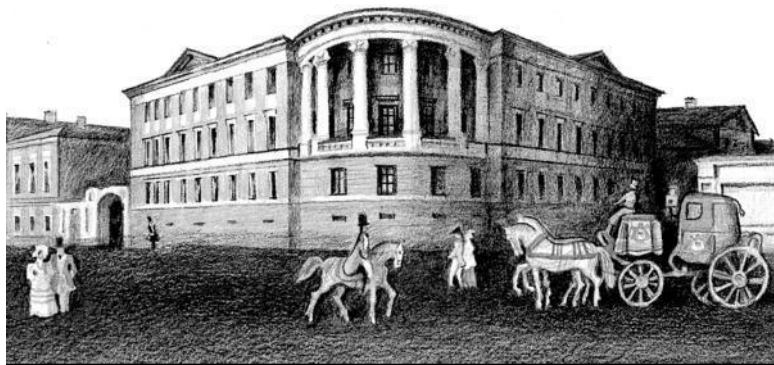
на снующий у ее подножья люд, скромно притулилась в углу одного из дворов Русского музея в Ленинграде – позеленевшая бронза в белых разводах голубинового помета... Конь стоит прямо на земле. Мне, ребенком задиравшему голову, чтобы на него поглазеть, и помнящему дворцового гренадера в медвежьей шапке и с тесаком на белой портупее, ходившего вокруг памятника, по-стариковски волоча ноги, ныне любопытно сблизил разглядывать бородатое лицо царя под шапкой егерского полка, схожей с жандармской, и вспоминать при этом «крамольную» загадку-шутку, ходившую по Петербургу после открытия монумента:

Стоит комод,
на комодe – бегемот,
на бегемоте – обормот,
на обормоте – шапка,
на шапке – крест.
Кто угадает,
того под арест!

Если, кстати, вспомнить другую идолообразную статую Александра III, восседавшую у подножия храма Христа Спасителя над Москвой-рекой, можно сказать, что этому царю с памятниками не повезло!

Прежде чем отойти от дома бывшего Училища живописи, ваяния и зодчества, напомним колоритную черточку сравнительно недавнего и одновременно такого сказочно далеко-

го прошлого этого места. Возле стоявшей в Юшковом (ныне Бобровом) переулке церкви Флора и Лавра, покровителей скота, происходило в день празднования этих святых – 18 августа старого стиля – освящение лошадей. Сюда со всей Москвы съезжались легковые и ломовые извозчики, становилось тут тесно и шумно, как на конской ярмарке!

Дом масона Юшкова, построен В.И. Баженовым, последняя четверть XVIII века

Отсюда дальше к центру города улица Кирова – каменный глухой коридор. Лишь единичные названия да редкий дом хранят память далекого прошлого Москвы. Так, где-то против Банковского переулка, названного так по первому в России Казенному Ассигнационному банку, открытому при Екатерине II в строгановском доме на Мясницкой, стоял дом графа Брюса, знаменитого сподвижника Петра, командовав-

шего в Полтавской битве русской артиллерией, прослывшего в народе колдуном за свои занятия астрономией. Брюс автор первого в России календаря, о котором хочется сказать два слова. Еще в начале XX века в отрывных календарях воспроизводились так называемые «брюсовские» предсказания погоды, хотя в его календаре, содержащем, правда, немало курьезов, их как раз и не было. Яков Вилимович Брюс был высокообразованным человеком и выполнял царские поручения главным образом по ученой части. Но, человек своего времени, он отдал изрядную дань еще распространенным тогда астрологическим представлениям, что и отразилось на его календаре. На четвертом листе подлинника читаем заголовок: «Предзнаменование действ на каждый день по течению луны и зодии»; ниже двенадцати знаков зодиака и луны следуют три таблицы, из которых узнаем, когда надо «кровь пущать, мыслить почать, брак иметь или жену пояти», какое время благоприятно, чтобы «кровь и жильную руду пущать, чины и достоинства воспринимать, долг платити, чтобы осуждения не было, прение начати и в чем причины искать».

Неподалеку от брюсовского двора находились хоромы Глебовых-Стрешневых, за ними Дмитриева-Мамонова, далее шли князья Кольцовы-Масальские, князь Куракин, барон Строганов – чуть не вся улица принадлежала знати вплоть до XIX века. Были тут и церковные владения, восходящие к более ранней эпохе. Так, в XVII веке по Мясниц-

кой располагались подворья Рязанского архиерея, Вятского, Псковского, Коломенского и других.

В подворье Рязанского архиерея, выходявшего на улицу где-то в районе Фуркасовского переулка, против дома с магазином «Книжный мир», в 1678 году был открыт первый в Москве военный госпиталь. После первой секуляризации церковного имущества Петр отдал подворье под Тайную канцелярию. С упразднением Тайной канцелярии дом отвели «под временное проживание» грузинскому царевичу Вахтангу.

Но у домов, как и у книг, – свои судьбы. Рязанскому подворью пришлось вновь разместить под глухими сводами своих подвалов пыточные камеры, и стены его вновь огласили стоны допрашиваемых и покрикивание палачей. В 1774 году здесь разместилась учрежденная Екатериной Тайная экспедиция, порученная присяжному мастеру сыскных дел императрицы – Степану Шешковскому. В экспедиции допрашивались Пугачев, позднее Новиков. У Пушкина записан разговор Потемкина с Шешковским:

« – Что, Степан Иванович, какво кнутабойничаешь?

На что Шешковский всегда отвечал с низким поклоном: – Помаленьку, ваша светлость».

Про Шешковского рассказывали, что, присутствуя на пытках, он читал акафисты и увешивал застенок иконами.

Мы приближаемся к площади Дзержинского. И снова память заставляет остановиться меня у одного дома. Павильон

готовой одежды, загораживавший его фасад, теперь убран, и он хорошо виден с улицы. Я имею в виду современный Дом научно-технической пропаганды на углу Фуркасовского переулка. Он богато и безвкусно декорирован в конце XIX века. Таких фасадов с праздными кариатидами, гирляндами, рогами изобилия, головками амуров и лицами роковых женщин с диадемой в виде змей видишь немало на старых дворянских домах, переделанных позднейшими владельцами по моде века. В пушкинские времена этот дом принадлежал А.Д. Черткову, известному библиофилу, чье обширное книжное собрание ныне входит в состав Государственной исторической библиотеки. Чертков длительное время возглавлял Общество истории и древностей российских. У него в 1820 – 1850 годах собирались московские писатели, ученые, артисты. Здесь часто бывали Гоголь, Загоскин, Федор Глинка, Щепкин, Погодин. Посетил его однажды и Пушкин, интересовавшийся книжными коллекциями хозяина. Сильно с тех пор перестроенный, дом сохранил сводчатые помещения нижнего этажа, восходящие, как полагают, к палатам, пожалованным в XVII веке Касимовскому царевичу. Уцелело несколько интерьеров, свидетельствующих о богатстве и вкусе прежнего убранства.

Помимо Черткова Пушкин бывал на Мясницкой у М.П. Погодина, дом которого, стоявший напротив чертковских хором, не сохранился. У Погодина бывали Гоголь и С.Т. Аксаков, который, кстати, и привел к нему молодого автора

«Вечеров на хуторе близ Диканьки». А в самом начале Кривоколенного переуллка, у первого его «колена», лицом к Мясницкой стоит старинный, средней руки дворянский двухэтажный особняк, принадлежавший родителям поэта Дмитрия Веневитинова. Именно там впервые читал Пушкин своим друзьям «Бориса Годунова». Это произошло 12 октября 1826 года, по возвращении Пушкина из Михайловского.

В небольшой гостиной собрались М.П. Погодин, С.П. Шевырев, С.А. Соболевский, братья Киреевские, братья Хомяковы.

Все «пришли спозаранку и с трепещущим сердцем ожидали Пушкина. В двенадцать часов он является...» — записал Погодин в своем дневнике. И началось...

Наряжены мы вместе город ведать,
Но кажется, нам не за кем смотреть.
Москва пуста...

Сидели вокруг стола, Пушкин стоял, держа в руке листки. Его ожидали, а теперь слушали «с трепещущим сердцем». Мы и сейчас, восстанавливая в воображении эти знаменательные минуты, не остаемся равнодушными: нам шире открывается непреходящее значение «Бориса Годунова», чем предчувствовали его друзья, присутствовавшие на чтении...

Мясницкая улица была дорога поэту. Он вспоминал ее в «Дорожных жалобах»:

То ли дело быть на месте,
По Мясницкой разъезжать,
О деревне, о невесте
На досуге помышлять!

Шутливый тон маскировал тоску, лежавшую у него на душе. Стою перед домом Веневитинова и гадаю: за которым из окон сидели московские друзья и знакомые поэта в тот день, почти полтора столетия до нас, когда впервые прозвучали строки, всем нам теперь знакомые с детства и сопровождающие нас через всю жизнь? Пушкин, Пушкин... Слава его имени осветила, как лучом, путь нашего общества. Счастлив и горд своей принадлежностью к его народу.

Вероятно, в тот день друзья засиделись у Веневитинова допоздна, потом кто-нибудь отвозил Пушкина домой на своих лошадях. Из переулка экипаж свернул на Мясницкую по направлению к Лубянской площади. Поэт плотнее закутался в шинель и из-за поднятого воротника оглядывал булыжную мостовую, паперть Гребневской церкви с толпящимися вокруг нищими и бродяжками, редких прохожих, обывательские дома на запоре... Все ему знакомое и понятное им, как никем: что есть русские и русский характер, Пушкин знал, как никто больше!

Архитектор Афанасий Григорьев

Я вглядываюсь в фотографию Афанасия Григорьева, сделанную в последние годы жизни. Суховатое бритое лицо, усталое и сосредоточенное, как у людей, не знающих праздности. Он в глухом сюртуке, на шее орденский крест, вдоль подлокотников кресла – слегка тронутые возрастом руки, с чуть согнутыми пальцами, точно готовые всякую минуту взяться за карандаш и кисть. Основное впечатление, пожалуй, – терпеливый, настойчивый характер, подчиняющий себе обстоятельства и удачу, умение идти к цели. И в самом деле, этот человек мог, перефразируя поговорку, сказать, оглянувшись на длинный пройденный им путь, что «талант и труд – все перетрут».

«Лета 1804 года августа 24 дня я, генерал-майор и кавалер Николай Васильев сын Кретов отпустил вечно на волю крепостного своего дворового человека Афанасия Григорьева, холостого... записанного за мной Тамбовской губернии Козловского округа в слободе Васильевской, и вольно ему с сею отпускною жить, где пожелает...» Гадать ли, как сложилась бы судьба этого дворового человека, не обрати его помещик, выдающийся участник Отечественной войны, внимание на способности своего крепостного и не дай ему впоследствии «вольную». Афанасий Григорьевич Григорьев, бу-

душий крупный архитектор, внесший немалый вклад в строительство послепожарной Москвы, родился в 1782 году, за восемь лет до того, как Радищев опубликовал «Путешествие из Петербурга в Москву».

«Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человеческими уязвлена стала». Так начал он свою знаменитую книгу, в которой речь шла именно об утеснениях и угнетенном положении русских мужиков, плотью от плоти которых был Григорьев, росший, несомненно, в уверенности, что он всего только Афонька, которому всю жизнь прислуживать барину да получать тычки...

Сведения о ранних годах Григорьева, проведенных им в деревне, отрывочны и скупы, однако, задумываясь над его наследием, приходишь к заключению, что усадебная обстановка оказала значительное влияние на будущее творчество архитектора. Да, были тяжкие и уродливые стороны жизни, бесправие и жестокость, но наряду с этим – цвела и благоухала благодатная природа Средней России, жили в деревне поэтические предания старины, и была непреходящая красота стильных усадеб, какие строили тогда в своих вотчинах душевладельцы под влиянием прекрасных форм и хорошего вкуса, привитых русскому зодчеству замечательными отечественными архитекторами второй половины и конца XVIII века. Впоследствии в лучших работах Григорьева скажутся запомнившиеся с детства уют и изящество помещичьих домов, где за скромным портиком и колоннами фронтона были

расписанные и вылепленные доморощенными художниками плафоны и фризы, воспроизводившие в малых размерах великолепие столичных дворцовых интерьеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.